

На соискание Государственной премии РСФСР

РОДА два назад мне довелось побывать в северной — архангельской — стороне. Первый раз увидела те края. Но и старые сумрачные боры, и влажные двинские пески, «косики-резуньи» над обрывистыми речушками, угory земляничные — все открылось раньше, в тоих книжечках стихов Ольги Фокиной. Открылось — и сразу легло на душу, запомнилось накрепко, оттого и название было радостным.

А какой это волок —
Перелесок родимый?
А какой это морок —
Взмахи отчего дыма?
От рожденья до гроба
Проходивший в посеннном.
Прадед потом и кровью
Полил эти загоны.

Читаю эти стихи, открывающие поэтическую книгу Ольги Фокиной «Маков день», выпущенную на соискание Государственной премии РСФСР, и вижу травяный берег Содонги (и Содонга не обманула: ласковая,

Как же ты пахнешь,
сырая земля!
Этот бы ломоть,
отрезанный плугом.
Взять в обе руки есть,
не соля,
Не услышав ни медом,
ни луком.

Как же ты тянешь,
родная земля.
В эти пласти,
как в ладони родимой,
тикнуться лицом,
ни о чем не моля,
лишь бы с любимию —
неразделимо...

Лишь бы ответить теплом
на тепло...

Собранные в жгуты.
Будто бы это — беды.
Те, что отбедовала,
Густо — к одной другая...
Разбередить буйся.

Горькие эти строки. И светлые. Только ли о своей матери? О русской женщине, что пахала, косила, сеяла, ткала и пряла, из сил выбивалась, а Родину хранила в тяжкие годы. И дождалась отрадных времен: «В большом строю идут вперед ее сыны, ее внучата, ее семья, ее народ». А вдовье горе, слезы вдовьи? Им-то куда

ЗАПАХ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Северная Двина на руках
несла наш теплоходишко:

В неизменной фуфайке
сосновых лесов,
Холода, а порой
диновата,
Ты не рдишься
в крыльышки парусов.
Лишь плоты на тебе,
как заплаты...

Проглаженная, проутюженная трудягами-катерами, тяжеленными баржами, людским вниманием не избалованная («недосуг любоваться собой — приближаются долгие стужи») — такой и при встрече оказалась скромная, работящая эта река.

А за ней леса сплошняком поднялись. Малые неугомонные реки, то и дело перебегали дорогу. Русский Север вставал в своей незамысловатой красе:

Говорят, мое поле —
За тремя волоками,
Говорят, моя доля —
За семью моронками.

до дна светится); село петляет вдоль реки. Высоченные срубы темны деревом: частая мокрость задубила бревна. У самой воды башни грачами уселись.

В тот год и на Севере лето жарило до последних дней августа. И вдруг оборвалось дождями. Лили и лили без устали. Все гона посвежели, рече выявились. Мы прошли с Ольгой Александровной по Корниловскому, спустились с угора; висячий шаткий мосток вел в луга, в леса, к грибным ягодным местам. Все было ее, близкое. Отсюда вехала в большие города, но любовь к родительской стороне осталась неизменной, вошла в ее творчество, заполнила его до краев. «Простые краски северных широт» заниягри, заскрипели в поэзии Ольги Фокиной. По-своему рассказала о белых сенерных ночах, об озерцах тихой воды на склоненном лугу, о розовых кленерных островах.

Плакать мне не о чем,
наяться не в чем.
Знаешь сама:
где тебе тяжело
детям твоим
достается не легче.

Так сказать может только тот, кто одними думами, заботами, жизнью одной живет с этой землей. Многие стихи, вошедшие в сборник, биографичны. Но это биография целого поколения, детство которого пришлось на войну, поколения, рано узнавшего цену хлебу. Гибель отца. Вдовья доля матери... Я вспоминаю высокую седую женщину. Дом, хозяйство — все на ней. А годы на восьмой десяток покатили. Несуетна, пустого слова не бросит:

Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила...

К белым твоим сединам
Бережно принасасью,
Будто бы это — боли.

Дорогое даря подаренье
Для моей несторонней души.

Эти строки, как сама призналась, сами собой вырвались: видеть подобное возрождение и обновление Родины равноудично невозможно.

Лишь только весна шагнет в архангельские леса, распутица еще — Ольга Александровна добирается в родное село из Вологды, где сейчас живет. «...Дышу, гляжу, слушаю. И только. И, кажется, ничего больше не надо, только бы существовало все это, вместе взятое, вечно: мать, земля, Родина. Белые ночи так очаровательно тихи. Огромные дни так горячи и сверкающи, так полны звоном жаворонков, кукованием кукушки, журчаньем реки, что дополнять вроде и нечего, ибо лучше не сиоешь и не скажешь».

Летом ездит по лугам, читает косарям свои стихи. Об их труде, об их жизни:

...Я для тебя храню поклон,
Моя Архангельская область,
Мой Верхне-Тоемский район.
Поклон твоим лесам и рекам,
Твоим натруженным рукам...

Ее стихи родились на этих вольных просторах. Русская у них душа, певущая. Эта напевность, эта свежесть, меткое слово пришли из живой сочной речи, той речи, какой и сейчас говорят русская северная деревня.

Причастность Ольги Фокиной к судьбам родной земли дает ей высокое право говорить «от имени серпа», от имени тех миллионов деревенских трудовых людей, что кормят хлебом всю страну.

Маргарита ЛОМУНОВА